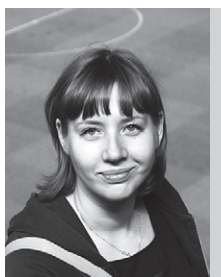

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Ковба Дарья Михайловна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат политических наук,
научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-2048-0967,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Грибовод Екатерина Григорьевна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат политических наук,
научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-1192-5952,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.05.2020, принята к публикации 06.06.2020

Для цитирования: Ковба Д.М., Грибовод Е.Г. Особенности формирования и реализации политики памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 2 (39). С. 59–77. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10204

* Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: проект № 18–6–6–8 «Стратегические установки и технологии реализации политики национальной памяти на постсоветском пространстве в контексте информационной безопасности России».

© Ковба Д.М., Грибовод Е.Г., 2020

Аннотация

В статье проводится анализ коммеморативных практик о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве на примере Республики Беларусь и Республики Казахстан. Целью работы является выявление особенностей конструирования национальных стратегий политики памяти о войне в указанных странах. Для решения поставленной цели применяются методы сравнительного и системного анализа. Разработано авторское определение коммеморативной практики как деятельности, осуществляемой посредством публичных воспоминаний (а также их селекции или предания забвению) значимых событий, дат, образов или акторов прошлого с учетом современного социально-политического контекста и текущих потребностей общественности и властных структур. Сделан вывод о том, что одной из особенностей формирования национальной политики памяти на постсоветском пространстве становится репрезентация образа войны в соответствии с национальными приоритетами. Великая Отечественная война является частью советского прошлого, коллективной и исторической памяти народов стран СНГ, однако коммеморативные практики формируются с помощью персонализации исторической памяти как стратегического нарратива. Центральным нарративом, демонстрирующим роль Беларуси в войне, является «партизанская республика», тогда как в Казахстане эту функцию выполняет представление о республике как об «арсенале фронта». Общей константой для данных республик в формировании национальных политик памяти о войне, как в советский, так и постсоветский периоды, является обращение к героическим победам советских солдат, партизан, мужеству и стойкости тружеников тыла. Ревитализация коммеморативных практик о Великой Отечественной войне через оптику культурной травмы имеет фрагментарный характер, фиксируется и исследуется как составной элемент истории стран, а также в совокупности с другими трагическими событиями. На современном этапе развития постсоветских государств одной из важных тенденций является цифровая трансформация социальных процессов, поэтому страны стремятся сохранить и транслировать коммеморативные практики о войне с помощью цифровых технологий.

Ключевые слова:

политика памяти, память о войне, коммеморация, Великая Отечественная война, Белоруссия, Казахстан.

FEATURES OF THE FORMATION AND IMPLEMENTATION OF THE MEMORY POLITICS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE POST-SOVIET SPACE

Kovba Daria Mikhailovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Researcher, Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-2048-0967,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Gribovod Ekaterina Grigorievna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Researcher, Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-1192-5952,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Article received on May 11, 2020, accepted on June 6, 2020

To cite this article: Kovba, D.M., Gribovod, E.G. (2020). Osobennosti formirovaniya i realizacii politiki pamyati o Velikoj Otechestvennoj vojne na postsovetском prostranstve [Features of the formation and implementation of the memory politics of the Great Patriotic War in the post-Soviet space]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 2(39), 59-77. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10204

Abstract

The article analyzes the commemorative practices of the Great Patriotic War in the post-Soviet space on the example of the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan. The aim of the work is to identify the design features of national strategies for the politics of memory of the war in these countries. To solve this goal, methods of comparative and system analysis are used. An author's definition of commemorative practice as an activity carried out through public memories (as well as their selection or oblivion) of significant events, dates, images or actors of the past is developed, taking into account the current socio-political context and the current needs of the public and government structures. It is concluded that one of the features of the formation of the policy of national memory in the post-Soviet space is the representation of the image of war in accordance with national priorities. The Great Patriotic War is part of the Soviet past, the collective

and historical memory of the peoples of the CIS countries, however commemorative practices are formed by personalizing historical memory as a strategic narrative. The central narrative demonstrating the role of Belarus in the war is the “partisan republic”, while in Kazakhstan this function is performed by the idea of the republic as a “arsenal of the front”. A common constant for these republics in the formation of the policy of national memory of the war, both in the Soviet and post-Soviet periods, is the appeal to the heroic victories of Soviet soldiers, partisans, courage and perseverance of rear workers. The revitalization of commemorative practices about the Great Patriotic War through the optics of cultural trauma has a fragmented character, is recorded and investigated as an integral element of the history of countries, as well as in conjunction with other tragic events. At the present stage of development of post-Soviet states, one of the important trends is the digital transformation of social processes, which is why countries seek to preserve and broadcast commemorative practices about the war with the help of digital technologies.

Keywords:

memory politics, memory of the war, commemoration, World War II, Belarus, Kazakhstan.

Введение

Актуальность научной проблемы

Одним из важных событий в 2020 году, как для постсоветского пространства, так и для Российской Федерации, является празднование 75-ой годовщины Победы в Великой Отечественной войне. Несмотря на неблагоприятную эпидемиологическую ситуацию в этом году, в связи с юбилейной датой во многих странах прошли выставки, концерты, салюты и другие мероприятия, ряд из которых был проведен в дистанционном (виртуальном) формате. Таким образом, одной из тенденций, характерной для политики национальной памяти в постсоветских странах на современном этапе, становится смещение в сторону медиатизированных (Грибовод, 2018) и виртуальных форм и инструментов репрезентации и рекоммеморации исторического и культурного наследия стран и народов.

Формирование национальной политики памяти – противоречивый и неоднозначный процесс для политической элиты и страны в целом, поскольку способствует текущему самоопределению народа, а также расширению «мягкой силы» (Ковба, 2017) и символического капитала страны. В связи с этим, проблематика политики национальной памяти, а также различные виды памяти (культурная, социальная, травматичная, коллективная и др.) активно изучаются в академической науке.

Степень исследованности проблемы

Исследованию коммеморативных практик посвящены работы как зарубежных (Э. Дюркгейм, М. Хальбвакс, А. Мегилл, П. Хаттон, Л. Мори, Л. Мильорати, П. Нора), так и отечественных исследователей. Среди последних следует упо-

мянуть О.Ю. Малинову, которая рассматривает коммеморацию как важный элемент символической политики государства (Малинова, 2018), и М.Л. Шуб, работы которой посвящены анализу практик коммеморации как культурных феноменов, а также изучению их воспитательного и образовательного потенциала (Шуб, 2016). Несмотря на проработанный методологический инструментарий политики памяти, фиксируются новые дискурсы в указанной проблемной области. К ним, в частности, относится «постпамять» как новая дискурсивная форма трансляции исторической памяти и конструирования образа прошлого с помощью медиатехнологий (Русакова, Русаков, 2019).

Изучению политики памяти в Республике Беларусь посвящены труды И.В. Котлярова (2018), И.В. Грибан и Н.Н. Баранова (2019), А. Задора (2015), В.В. Герасимчик (2019), Н.В. Проказиной (2015). Отдельно стоит упомянуть книгу «Беларусь – альтернативное видение нации, памяти и космополитизма» (Lewis, 2019), а также сборник «Война и память в России, Украине и Белоруссии», внесший большой вклад в текущие междисциплинарные дебаты о политике памяти (в том числе о Второй мировой войне) в Восточной Европе (Fedor et al., 2017).

Проблематика политики памяти в Республике Казахстан отражает разные социально-политические и культурные аспекты истории страны: мемориальные комплексы, локальные практики и «сакральная география» (Медеуова, Сандыбаева, 2018); практики репрезентации и сохранения памяти о Великой Отечественной войне (Жаркынбаева, 2017); участие казахов в партизанских отрядах, в Движении Сопротивления во Франции, Германии и других европейских странах в годы II мировой войны (Mendikulova et al., 2019) и др.

Данное исследование опирается как на указанные выше источники, так и на предыдущие наработки авторов (Грибовод и др., 2018).

Цель статьи – выявить особенности конструирования и репрезентации политики национальной памяти о Великой Отечественной войне на примере Республик Беларусь и Казахстан.

Методика и методология исследования

Осмысление проблематики национальной политики памяти о Великой Отечественной войне проведено с опорой на теоретико-методологический инструментарий отечественных и зарубежных исследователей, в первую очередь из Республики Беларусь и Республики Казахстан. Применены методы сравнительного и системного анализа для выявления особенностей коммеморативных практик о войне, характерных для этих двух постсоветских стран. Вторичный анализ данных социологического опроса позволил верифицировать выбор Беларуси и Казахстана среди стран постсоветского пространства в качестве субъекта исследования политики памяти о войне.

Смысловое содержание понятия «коммеморативная практика»

Политика памяти формируется с помощью институтов, акторов и может рассматриваться на разных уровнях как память семьи, рода, страны, нации и др. Масштаб, инструментарий и объем у каждой формы памяти различен. Однако

стоит подчеркнуть, что политику памяти аккумулирует, сохраняет и репрезентует именно государство и властные институты. Как ранее отмечалось, национальная политика памяти рассматривается как «властный и символический ресурс, используемый для конструирования гражданской идентичности населения и позиционирования в системе международных отношений» (Грибовод и др., 2018, с. 124). Подробнее остановимся на одном из базовых элементов политики национальной памяти, а именно на практиках реализации политики памяти, таких как коммеморации.

Смысловое содержание понятия *коммеморации* (дословно – «памятный», «мемориальный») достаточно размыто. Разнятся сущностные характеристики коммеморации, выделяемые различными исследователями: так, А. Мегилл делает акцент на ее интеграционной функции, удовлетворяющей внутреннее желание сообщества подтвердить чувство своего единства; П. Хаттон на первый план выдвигает идею выделения определенных событий, личностей и идей прошлого, которые избираются властью для хранения в памяти; Л. Мори и Л. Мильорати говорят о цикличности как об основной характеристике попыток слияния с прошлым (Шуб, 2016, с. 81).

Н.И. Чуркина пишет, что в настоящее время многие авторы рассматривают коммеморации как часть государственной политики, направленной на объединение нации, построение общегражданской идентичности (Чуркина, 2016, с. 38). Тем не менее, в зависимости от источника происхождения, их можно разделить на официальные (инициированные государством), народные (инициатива исходит «снизу»), а также смешанные. Совсем не обязательно они поддерживаются всеми членами общества (т.е. бывают дискуссионными и консенсусными). М.Л. Шуб приводит достаточно объемную классификацию практик коммеморации. В качестве оснований классификации она выделяет длительность существования (краткосрочные, долгосрочные), хронологию (ретроориентированные и актуализированные (из недавнего прошлого)), происхождение (заимствованные и аутентичные), посыл (позитивный, негативный, смешанный) и др. (Шуб, 2018, с. 18).

Под *коммеморативной практикой* будем понимать деятельность, осуществляемую посредством публичных воспоминаний (а также их селекции или предания забвению) значимых событий, дат, образов или акторов прошлого с учетом современного социально-политического контекста и текущих потребностей общественности и властных структур.

О.Ю. Малинова пишет, что публичные «воспоминания» прошедших событий зачастую подчинены календарной логике. Праздники, которые были учреждены в честь важнейших исторических событий, являются ежегодным публичным напоминанием о них. Самые устойчивые из них обрастают рядом ритуалов (возложение цветов, салюты, поднятие флага, зажжение огня и др.). Подобные ритуалы способны оказывать сильное эмоциональное воздействие на граждан, участвующих в них (Малинова, 2018, с. 44–45). Таким образом, коммеморативные практики исторических событий и сложившаяся вокруг них социально-культурная инфраструктура представляют удобный для анализа политики памяти кейс.

При анализе коммеморативных практик стоит выделить важный компонент национальной политики памяти – «историческую травму», то есть трав-

матические, болезненные воспоминания о событиях прошлого как отдельного актора, так и общности (семьи, народа и др.). Как отмечают исследователи, «травма» – это «способ связи, посредством которого прошлое продолжает существовать» (Аникин, Головашина, 2017, с. 79). Кроме того, они выделяют две парадигмы в изучении культурной травмы: психологическую, согласно которой пережитый травматический опыт актором не осознается, но оказывает воздействие на поведение и мироощущение, и социологическую, в рамках которой «травматический дискурс» ретранслируется на следующие поколения за счет механизмов и форм передачи данного дискурса, например, с помощью СМИ (Аникин, Головашина, 2017, с. 83). Однако отметим, что не только военные события, но и техногенные, экологические, политические и социальные катаклизмы и форс-мажорные события могут стать источником коллективной травмы. Травматическая память становится важным элементом при формировании национальной политики памяти стран на постсоветском пространстве после распада СССР, когда наступил период поиска идентичности и сплочения граждан.

Реализация политики памяти о Великой Отечественной войне в Республике Беларусь и в Республике Казахстан

Рассмотрим подробнее особенности политик национальной памяти о Великой Отечественной войне, сложившихся в Республике Беларусь и Республике Казахстан. Данные примеры выбраны не случайно. Во-первых, обе советские республики приняли активное участие в этой войне. Белоруссия была оккупирована, однако в мировой историографии признается большой вклад белорусских партизанских отрядов. Казахстан не только поставлял на фронт зерно и свинец, из которого производили пули, но и посылал людей в воинские формирования, собранные, преимущественно, по принципу смешанного национального состава (за годы войны общее количество казахских призывников составило 1870 тыс. чел.) (Подпрятков, 2010, с. 191). Во-вторых, именно эти государства признаются, по данным опросов общественного мнения, наиболее близкими и дружественными современной России среди всех государств, входивших в состав СССР. В мае 2019 г. 1500 респондентов старше 18 лет ответили, что наилучшие отношения у россиян сложились с белорусами и казахами (диаграмма 1).

До Второй мировой войны самосознание и опыт Западной и Восточной частей Беларуси различался. Война деформировала демографию республики: большая часть еврейского населения погибла во время Холокоста, а послевоенные перемещения населения значительным образом сократили польское меньшинство (Rudling, 2017, с. 71). Война нанесла серьезный урон: Беларусь потеряла более 4 млн. человек, было уничтожено 209 городов и 9200 деревень (Грибан, Баранов, 2019, с. 40). Многие белорусы восприняли возвращение Советов как подлинное освобождение.

В послевоенный период историческая память в Белорусской ССР была, в основном, сосредоточена на повествовании о героическом сопротивлении немецко-фашистским захватчикам в годы Великой Отечественной войны. В Минске, Хатыни и Бресте были построены большие мемориальные комплексы. Культ войны приобрел большое значение с 1960-х годов.

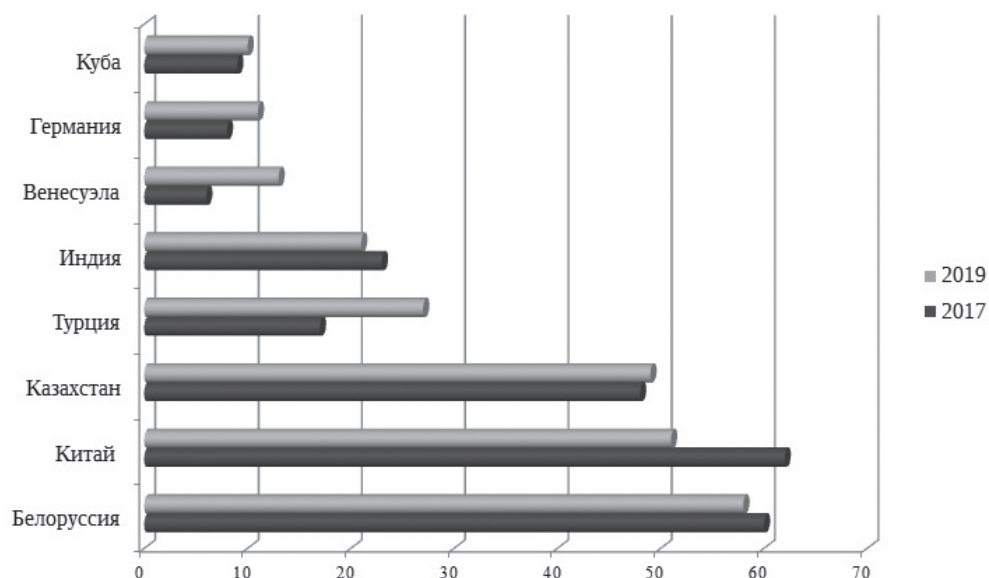

Диаграмма 1 – Дружественные страны, по мнению россиян
(источник: Дружественные и недружественные страны, 2019)

Исследователи утверждают, что характерной чертой исторической памяти советского периода является *фактор запаздывания*: послевоенные годы были временем подозрения руководства страны в отношении тех, кто сдался немцам, действовал в условиях оккупации или отступал. Потребовались десятилетия, чтобы многие нынешние знаковые исторические деятели и события получили официальное признание со стороны советского режима, включая защитников Брестской крепости (Marples, 2012, p. 439).

В 1991 г. 82,7% белорусов проголосовали за сохранение СССР (Fedor et al., 2017, p. 20). На первых выборах после распада Советского Союза А. Лукашенко был избран президентом страны. Белорусский лидер поддерживал версию советского исторического нарратива, в частности, касающегося Великой Отечественной войны, сделав его краеугольным камнем государственной идеологии. Таким образом, *использование истории было направлено на то, чтобы укрепить легитимность режима, представить его в качестве хранителя наследия Великой Победы*. В этот период декларировались дружественные отношения с Россией, подчеркивалась общая историческая память двух государств, не поощрялось пробуждение национального самосознания.

Примерно с 2002 г. политика А. Лукашенко начала трансформироваться. Ностальгия по советскому периоду стала исчезать. Развитие Республики, особенно в плане экономики, было представлено в СМИ как уникальный белорусский путь, в котором не следует полагаться на посторонних – будь то РФ или Европейский Союз (Marples, 2012, с. 441). Тем не менее, отношение к войне как главному событию в исторической памяти не изменилось. На официальном уровне признается, что белорусская «партизанская республика» не только внесла

вклад в общую победу, но и решительным образом ей способствовала, являясь основным бенефициаром героического сопротивления военного времени (Fedor et al., 2017, p. 21).

В то же время сложные формы взаимодействия между государством и гражданскими активистами привели к освещению ранее не актуализированных повествований – таких как война в Афганистане, битва под Оршей, Холокост и других. По мнению исследователей, несмотря на рост количества нарративов, режим памяти не меняется: он остается торжествующим, оформленным в терминах героизма и мученичества, а не скорби и жертв (Fedor et al., 2017, p. 22).

Если на Украине антисоветские действия бандеровцев с готовностью выдвигаются в качестве альтернативных повествований, то в Беларуси коллаборационистское движение было слабым и дискредитированным в послевоенные годы. Попытки отделения белорусской идентичности от советских нарративов обычно сосредоточены на преступлениях сталинизма и изолированы от событий Второй мировой войны и Великой Победы.

Отдельные инициативы, направленные на популяризацию альтернативных версий истории, выдвигаются неправительственными организациями и независимыми интеллектуальными журналами, например, таким, как журнал *ARCHE* (Rudling, 2017, p. 84). Исследователи утверждают, что для защиты иных исторических версий необходимо обладать альтернативными социальными ресурсами. Лица, проводящие исследования в учреждениях, расположенных за пределами страны (например, в Европейском университете, Белорусском институте стратегических исследований в Вильнюсе), могут себе позволить расхождение с официальной историей войны (Задора, 2015, с. 122–123). Такую же возможность имеют члены Рады Белорусской Народной Республики – т.н., «правительства в изгнании» или «правительства без страны». Они поддержали «Пражскую декларацию о европейской совести и коммунизме» (3 июня 2008 г., Прага), в которой предлагается признать 23 августа (день подписания пакта Молотова-Риббентропа) днем памяти жертв нацистского и коммунистического тоталитарных режимов (Rudling, 2017, p. 82). В целом же, можно сказать, что антисоветская военная мифология не является частью публичного дискурса в Белоруссии, и вряд ли войдет в него в ближайшее время.

Связанные с Великой Отечественной войны практики политики памяти (коммеморации), вместе с сопутствующей им социокультурной инфраструктурой, являются достаточно укоренившимися и массовыми. Празднование Дня Победы 9 мая было установлено Указом Президента Республики Беларусь № 157 от 26 марта 1998 года (О государственных праздниках ..., 1998). Торжества, как правило, являются достаточно масштабными, и сопровождаются парадом, траурными мероприятиями, народными гуляниями, показом документальных и художественных фильмов о войне по национальному телевидению. В 2020 г., несмотря на то, что из-за пандемии COVID-19 практически во всех бывших постсоветских странах праздничные мероприятия, связанные с Днем Победы, были перенесены, руководство Республики Беларусь не отказалось от проведения парада Победы (Среди стран СНГ ..., 2020). Часть мероприятий проводилась в online-режиме.

В 2015 г. в Белоруссии был запущен патриотический проект «Цветы Великой Победы». Композиция, состоящая из красно-зеленой ленточки и цветка

яблони (рисунок 1), по сути, заменила георгиевскую ленту. Исследователи полагают, что данный акт можно считать проявлением «изоляционистской меморализации»: если власти Украины в 2015 г. приняли западный символ (цветок мака), то в Беларуси был выбран новый, семантически нейтральный смысл, который одновременно дистанцируется и от российских, и от западных (ориентированных на жертв) нарративов (Fedor et al., 2017, p. 21).

Рисунок 1 – «Цветы Великой Победы»

Национальным праздником является еще одна связанная с войной дата – 3 июля (освобождение Минска в 1944 г. от нацистских оккупантов). Именно 3 июля, согласно результатам референдума 1995 года, стало Днем независимости Республики Беларусь (Marples, 2012, p. 441).

В 2000-х годах была проведена дорогостоящая реконструкция памятников советской эпохи – таких, как мемориальный комплекс «Хатынь» (открыт в 1969 г., реконструирован в 2006 г.). Данный комплекс расположен примерно в 20 км от Минска на месте деревни Хатынь, разрушенной в годы Второй мировой войны. Он стал символом исторической памяти о зверствах нацистов и важным событием в истории страны, память о котором поддерживается в коллективном сознании белорусов (Rudling, 2012, p. 45). Музей Великой Отечественной войны в Минске (открыт еще во время войны, обновление экспозиции произошло в 2014 г.) признается одним из лучших музеев о войне на постсоветском пространстве (Marples, 2012, с. 445). Акцент экспозиций сделан на вкладе Беларуси в разгром нацистов и освобождение Европы от вражеских захватчиков.

В 2005 г. по инициативе Благотворительного фонда помощи воинам-интернационалистам «Память Афгана» был создан историко-культурный комплекс «Линия Сталина». Он посвящен обороне Минска накануне войны 1941 г. Много пространства отведено военной технике, арсенал которой не ограничивается рамками Второй мировой войны, но включает более поздние модели, использовавшиеся, например, во время войны в Афганистане. Исследователи утверждают, что этот комплекс объединяет такие темы, как защита Родины, победа СССР и героический труд народа. Негласным посылом является то, что победа во Второй мировой войне стала возможна благодаря сталинскому руко-

водству. Утверждается, что данный комплекс направлен, в том числе, на легитимацию сегодняшнего политического режима Республики Беларусь (Askertmann, 2017, p. 240).

Еще одним инструментом политики памяти являются образовательные программы в школах и вузах. Анализ белорусских учебников истории позволяет выявить основные концепции, связанные со Второй мировой войной. Так, составной и решающей частью этих учебников являются разнообразные по тематике сюжеты, посвященные периоду Великой Отечественной войны. Отмечается, что война со стороны Германии носила захватнический характер, тогда как для СССР это была «справедливая война за свободу и независимость...». Говорится следующее: на начальном этапе руководством СССР был допущен ряд просчетов, приведший к большим потерям; фундамент для победы начал закладываться в 1941 г. в Беларуси; Беларусь внесла большой вклад в Победу, благодаря деятельности партизанских отрядов; операция по освобождению страны «Багратион» является одной из крупнейших в ходе Второй мировой войны (Грибан, Баранов, 2019, с. 44). Исследователи указывают, что в современных белорусских учебниках их авторы стараются освещать сложные и дискуссионные темы, такие как коллаборационизм, поражение Советского Союза на начальных этапах войны (Грибан, Баранов, 2019, с. 46), что наличие единой учебной программы и отсутствие альтернативных учебников позволяют противостоять современным тенденциям фальсификации истории (Герасимчик, 2019, с. 83).

Таким образом, Великая Отечественная война является одним из ключевых событий истории Беларуси и важным компонентом политики национальной памяти. Этот тезис подтверждают и соцопросы: в 2013 г. 89,5 % граждан страны согласились с тем, что «стоит сохранять связь государственных праздников Республики Беларусь с событиями Великой Отечественной войны» (Проказина, 2015, с. 204). Директор Института социологии НАН Беларуси И.В. Котляров пишет, что на вопрос «Какие чувства вы испытываете в связи с Победой нашей страны над фашистской Германией, освобождением Беларуси от фашистов?» 95,8 % респондентов упоминают чувство благодарности участникам войны и гордость за страну (2018, с. 12).

Политика памяти о Великой Отечественной войне в Республике Казахстан начала формироваться в советский период и продолжает оставаться важным компонентом современной коммеморативной практики страны, несмотря на некоторое снижение интереса в официальном дискурсе. Согласно данным Института истории государства, из республики на фронт было отправлено почти 70 % мужчин в возрасте от 18 до 50 лет («Бессмертный полк» проходит онлайн в Казахстане, 2020). Кроме того, 40 % от общего числа заявлений с просьбой добровольно отправить на фронт были от женщин (Жаркынбаева, 2017, с. 105). Как отмечает С. А. Асанова, тематика Великой отечественной войны была наиболее востребованной в советский период в историографии Казахстана, однако имела преимущественно пропагандистский и агитационный посыл. Трудности военного времени замалчивались и носили фрагментарный характер; репрезентация событий происходила в «парадно-победоносном тоне», свойственном советскому публичному дискурсу (Асанова 2019, с. 283). В постсоветский период, как отмечают исследователи (Асанова, 2019; Mendikulova et al., 2019

и др.), политика памяти о Великой Отечественной войне в большей степени, чем ранее формируется вокруг отдельных проблем и тем, касающихся истории войны и тыла, а также роли и вклада народа республики в победу над фашизмом.

Как и в Беларуси, в Республике Казахстан мемориальные и скульптурные комплексы, места памяти посвящены участию и подвигам населения стран в Великой Отечественной войне. К определенным юбилейным датам в различных городах были возведены мемориалы и скульптурные комплексы. Например, к 30-летию победы в Великой Отечественной войне мемориальный комплекс «Мемориал Славы» в парке имени 28 гвардейцев-панфиловцев в городе Алма-Ате (Медеуова, 2020). В 2015 году в Астане был открыт памятник генерал-майору И.В. Панфилову, который возглавлял 316 стрелковую дивизию, сформированную в 1941 году в Алма-атинской области (Бисенгалиев, 2015). К. Медеуова подчеркивает роль мемориальных комплексов и мемориалов как важных элементов «ревитализации культурной памяти в постсоветском Казахстане», и определяет их как «объединенных одной идеей архитектурных, скульптурных, ландшафтных объектов, выступающих символическим воплощением коллективной культурной памяти, а также формой апроприации советских практик памяти» (Медеуова, 2020).

Образ войны как ресурс национальной идентичности ретранслируется политикой памяти Республики Казахстан с помощью актуализации определенных сюжетов и персоналий. Так, в работах казахстанских исследователей, посвященных Великой Отечественной войне, подчеркивается роль Народного Героя Казахстана лейтенанта Р. Кошкарбаева из 674-го стрелкового полка, который вместе рядовым Г. Булатовым установил Знамя Победы на Рейхстаге; Героев Советского Союза Маншук Маметовой и Алии Молдагуловой, а также многих других людей, доблестно защищавших Родину. Память о подвигах «замечательных дочерей казахского народа» Маншук Маметовой и Алии Молдагуловой запечатлена в художественных и скульптурных произведениях, в названиях улиц, школ, музеев, парков в городах республики. Стоит подчеркнуть, что роль казахских женщин неоднократно подчеркивается в победе над врагом, как на фронте, так и в тылу (Жаркынбаева, 2017, с. 105–107).

Тематическое ядро национальной политики памяти Казахстана состоит из нескольких дискурсивных единиц, которые объединяют разные тематические блоки. Во-первых, республика – это *«арсенал фронта»*, поскольку обеспечивала армию военной продукцией и товарами первой необходимости. Одной из тем, сформировавших политику памяти о войне в Казахстане, является история тыла, повседневная жизнь городов в военное время, в которые переносили стратегически важные производства, госпитали, отправляли эвакуированных. На основе архивных материалов раскрываются особенности жизни и работы в тылу в Алма-Ате (Жаркынбаева и др., 2020). Во-вторых, – это *подвиги и вклад казахов в победу над фашизмом*. Стоит отметить грантовую поддержку, оказываемую государственными структурами Республики Казахстан для формирования историографии страны о войне, например: фундаментальные научно-исследовательские проекты «Казахи во Второй Мировой войне: новые документы из зарубежных архивов» (Mendikulova et al., 2019), «Фронт/тыл: гендерные аспекты Второй мировой / Великой Отечественной войны в истории Казахстана и России» (Жаркынбаева, 2018).

Одной из тенденций, характерных для репрезентации современной политики памяти о войне, становится процесс цифровизации коммеморативных практик. В 2015 году, в преддверии 70-летия годовщины Победы в Великой Отечественной войне, была представлена инфографика «Суточная норма питания военнослужащих Красной армии», а также реализован проект «История одной фотографии» на веб-портале «История Казахстана» (Жаркынбаева, 2017, с. 108–109). В 2020 году накануне праздника Дня Победы в Республике Казахстан была организована дистанционная акция «История моей семьи в истории моей страны», в рамках которой можно было разместить под хеш-тэгом #Помнимгордимсячтим фотографии из семейного архива родственников, которые защищали Родину от врагов, как в тылу, так и на фронте (Смакова, 2020).

Таким образом, в современной политике памяти Республик Беларусь и Казахстан Великая Отечественная война остается важным событием, вокруг которого сформировался ряд коммеморативных практик. Данное событие используется для воспитания патриотизма на примерах мужества, стойкости и героизма, скрепления дружбы между постсоветскими странами и народами, становится ценностно-культурным мостом для разных поколений. Для данных стран репрезентация коммемораций о войне, восстановление памяти о забытых национальных героях, создание и поддержание мест памяти становится информационно-стратегическим ресурсом и инструментом противостояния фальсификациям истории, фейкам и альтернативным версиям. Сохранение памяти о Великой Отечественной войне рассматривается как укрепление национальной историографии страны и поддержание единства в многонациональных государствах постсоветского пространства.

Заключение

После распада СССР в 1991 г. бывшие союзные республики начали сложный процесс строительства новых государств и поиска суверенитета. В то время как некоторые исторические события (такие как Октябрьская революция) постепенно стали уходить в прошлое, другие (в особенности, Великая Отечественная война) остались в коллективной памяти, массовой культуре и официальном публичном дискурсе. Великая Отечественная война является частью советского прошлого, коллективной и исторической памятью народа постсоветских стран, поэтому память о войне служила знаковым и утешительным символом преемственности в неопределенные переходные времена. Более того, многие страны-участницы нередко использовали этот опыт в качестве основы для построения национальной памяти.

Для Республики Беларусь Победа в Великой Отечественной войне является важным историческим событием, выступающим основой для построения национальной идентичности, фактором легитимации политического режима и обеспечения единства общества. Для белорусской политики памяти характерен акцент на героических темах, таких как подвиги времен партизанской войны.

Одной из приоритетных задач политики памяти Республики Казахстан становится восстановление памяти о национальных героях Великой Отечественной войны и их подвигах. В качестве инструментов репрезентации политики памяти о войне в Республике Казахстан применяются различные формы материального

и виртуального запечатления: мемориальные и скульптурные комплексы (например, мемориальный комплекс «Победа», памятник Касыму Кайсенову – народному герою Республики Казахстан, писателю и ветерану ВОВ в Усть-Каменогорске), книги памяти, выставки, названия улиц и др. Признается, что многие граждане Казахской ССР, работая в тылу, внесли большой вклад в победу над фашизмом.

Можно заключить, что и в Беларуси, и в Казахстане особое внимание уделяется сохранению в исторической и коллективной памяти народа событий Великой Отечественной войны. Война рассматривается как часть общей советской истории, связанной с героизмом солдат и боевым братством. В обеих республиках делается акцент на вкладе граждан каждой из них в общую Победу. Празднования Дня Победы 9 мая, парад, салют, акция «Бессмертный полк» остаются эмоционально окрашенными, весьма значимыми коммеморативными практиками для исследуемых стран.

Одной из особенностей политики памяти на постсоветском пространстве становится формирование образа войны в соответствии с национальными приоритетами и текущей политической обстановкой. Великая Отечественная война является важной частью единого советского прошлого и исторической памяти, поэтому политическая элита стран СНГ адаптирует и интегрирует коммеморативные практики о войне в культурный, символический капитал своих стран с учетом национальной специфики. Несмотря на трагические события военного времени, тяготы тыла, трудности послевоенного периода, политика памяти о Великой Отечественной войне в Республике Беларусь и Казахстан опирается не только на концепт о травматической памяти, а апеллирует к героическим подвигам, силе духа, к мужеству и отваге советских людей.

Список литературы

1. Аникин, Д. А., Головашина, О. В. (2017). Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования. *Вестник Томского государственного университета*, 425, 78–84. doi: 10.17223/15617793/425/10
2. Асанова, С. А. (2019). Об основных факторах поведенческой мотивации воинов казахских национальных войсковых формирований в годы войны (1941–1945) *Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая*, 5(2), 280–295. doi: 10.31551/2410–2725–2019–5–2–280–295
3. «Бессмертный полк» проходит онлайн в Казахстане (2020, 09 мая). Взято 21 мая 2020, с <http://today.kz/news/kazakhstan/2020-05-09/797471-bessmertnyij-polk-prohodit-onlajn-v-kazahstane/>
4. Бисенгалиев, Б. (2015, 7 мая). Памятник генералу Панфилову открыт в Астане. Взято 22 мая 2020, с <https://www.inastana.kz/news/819398/pamatnik-generalu-panfilovu-otkryt-v-astane>
5. Герасимчик, В. В. (2019). Освещение Великой Отечественной и Второй мировой войн в учебниках «Всемирная история» и «История Беларуси» в 10-м классе учреждений общего среднего образования. *Белорусский исторический обзор*, 2(2), 83–110.

6. Грибан, И.В., Баранов, Н.Н. (2019). Научить помнить: Великая Отечественная война в образовательном пространстве Республики Беларусь. *Преподаватель XXI век*, 1, 38–50.

7. Грибовод, Е.Г. (2018). Медиатизация политики национальной памяти в современном цифровом обществе. В П.П. Трескова (Ред.), *Информационная школа молодого ученого: Сб. науч. тр. по итогам VI Информационная школа молодого ученого (03–07 сентября 2018 г., Екатеринбург)* (с. 42–47). Екатеринбург: ЦНБ УрО РАН. doi: 10.32460/ishmu-2018-6-0005

8. Грибовод, Е.Г., Ковба, Д.М., Моисеенко, Я.Ю. (2018). Национальная политика памяти в современной России: основные тенденции и инструменты. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(31), 123–132. doi: 10.17506/dipi.2018.31.2.123132

9. *Дружественные и недружественные страны, ФОМ (фонд общественного мнения)* (2019, 06 Мая). Взято 10 апреля 2020, с <https://fom.ru/Mir/14201>

10. Жаркынбаева, Р.С. (2017). Великая Отечественная война: социокультурная память и коммеморативные практики в постсоветском Казахстане (гендерный аспект). *Женщина в российском обществе*, 1(82), 103–116. doi: 10.21064/WinRS.2017.1.10

11. Жаркынбаева, Р.С., Дулина, Н.В., Ануфриева, Е.В. (2020). Военная повседневность в городах тыла в 1941–1945 гг. (на примере г. Алма-Аты). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, 25(1), 97–108. doi: 10.15688/jvolsu4.2020.1.8

12. Задора, А. (2015). Вторая мировая война и преемственность советских традиций для идентичности, политической, правовой и социальной системы Беларуси. *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*, 1(6), 119–123.

13. Ковба, Д.М. (2017). Основные подходы к исследованию «мягкой силы» в отечественной политической науке. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 1(26), 143–148.

14. Котляров, И.В. (2018). Беларусь на пути в лучшее будущее (социологические тренды). *Социологический альманах*, 9, 9–14.

15. Малинова, О.Ю. (2018). Политика памяти как область символической политики. В А. Миллер, Д. Евременко (Отв. ред.), *Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр.* (с. 27–53). М. – СПб: Нестор-История.

16. Медеуова, К. (2020). Затянувшаяся «советскость» и трансформации коллективной памяти: советские и постсоветские мемориальные комплексы в Казахстане. *Новое литературное обозрение*, 161(1). Взято 20 мая 2020, с https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21982/

17. Медеуова, К.А., Сандыбаева, У.М. (2018). Сакральная география в Казахстане: коммеморативная политика государства и локальные практики в публичных пространствах. *Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая*, 4(3), 438–447. doi: 10.31551/2410-2725-2018-4-3-438-447

18. *О государственных праздниках, праздничных днях и памятных датах в Республике Беларусь: указ Президента Республики Беларусь от 26 марта 1998 г. (№ 157).* (без даты). Взято 15 апреля 2020, с <http://bseu.by/russian/general/>

uvr/ukaz-157-26.03.1998.pdf

19. Подпратов, Н. В. (2010). Участие представителей нерусских народов Советского Союза в боевых действиях Второй мировой войны в противоборствующих армиях: сравнительный анализ. *Известия Алтайского государственного университета*, 4–3(68), 190–193.

20. Проказина, Н. В. (2015). Историческая память о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси и России. *Социологический Альманах*, 6, 202–209.

21. Русакова, О. Ф., Русаков, В. М. (2019). Дискурс постправды как медиатехнология политики постпамяти. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(35), 10–27. doi: 10.17506/dipi.2019.35.2.1027

22. Смакова, А. (2020, 18 апреля). В Казахстане запустили акцию в честь 75-летия Победы. Взято 22 мая 2020, с <https://informburo.kz/novosti/v-kazahstane-zapustili-akciyu-v-chest-75-letiya-pobedy-.html>

23. Среди стран СНГ только Белоруссия и Туркмения не отказались от проведения парада Победы (2020, 3 мая). Взято 20 мая 2020, с <https://www.fontanka.ru/2020/05/03/69240379/>

24. Чуркина, Н. И. (2016). Коммеморативные практики в российском образовании как метод историко-педагогических исследований. *Отечественная и зарубежная педагогика*, 6, 37–44.

25. Шуб, М. Л. (2016). Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал. *Педагогические науки*, 3(36), 80–87.

26. Шуб, М. Л. (2018). Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве [Дис. ... д-ра культурологии, Челябинск: ЧГИК]. http://chgik.ru/sites/default/files/news/files/dissovet01_shub_avtoref_0.pdf

27. Ackermann, F. (2017). Successors to the Great Victory: Afghan Veterans in Post-Soviet Belarus. War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus. In: J. Fedor et al. (Eds.). *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus* (pp. 211–255). Palgrave Macmillan. doi: 10.1007/978-3-319-66523-8_8

28. Fedor, J. et al. (Eds.). (2017). *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-66523-8>

29. Lewis, S. (2019). *Belarus – Alternative Visions Nation, Memory and Cosmopolitanism*. Routledge.

30. Marples, D. R. (2012). History, Memory, and the Second World War in Belarus. *Australian Journal of Politics & History*, 58(3), 437–448. doi: 10.1111/j.1467-8497.2012.01646.x

31. Mendikulova, G., Nadezhuk, E., & Akatayeva, A. (2019, Spring). New Documents on Kazakhs in the European Resistance Movements during World War II. *Journal of Modern Turkish History (CTAD)*, 15(29), 205–226. Retrieved May 18, 2019, from http://www.ctad.hacettepe.edu.tr/15_29/08-mendikulova.pdf

32. Rudling, P. A. (2017). «Unhappy Is the Person Who Has No Motherland»: National Ideology and History Writing in Lukashenka's Belarus. War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus. In: J. Fedor et al. (Eds.) *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus* (pp. 71–105). Palgrave Macmillan.

References

1. Ackermann, F. (2017). Successors to the Great Victory: Afghan Veterans in Post-Soviet Belarus. War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus, 211–255. In: J. Fedor et al. (Eds.). *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus* (pp. 211–255). Palgrave Macmillan. doi: 10.1007/978-3-319-66523-8_8
2. Anikin, D.A., & Golovashina, O.V. (2017). Travmy kul'turnoj pamyati: konceptual'nyj analiz i metodologicheskie osnovaniya issledovaniya [Trauma to cultural memory: conceptual analysis and methodological bases of research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 425, 78–84. doi: 10.17223/15617793/425/10
3. Asanova, S.A. (2019). Ob osnovnyh faktorah povedencheskoj motivacii voinov kazahskih nacional'nyh vojskovykh formirovanij v gody vojny (1941–1945) [On the major behavioral motivation factors of the kazakh national military formations' soldiers during the war (1941–1945)]. *Улкен Алтай элери – Mir Bol'shogo Altaya*, 5(2), 280–295. doi: 10.31551/2410-2725-2019-5-2-280-295
4. “Bessmertnyj polk” prohodit onlajn v Kazahstane [Immortal Regiment takes place online in Kazakhstan] (2020, May 09). Retrieved May 21, 2020, from <http://today.kz/news/kazakhstan/2020-05-09/797471-bessmertnyij-polk-prohodit-onlajn-v-kazahstane>
5. Bisengaliev, B. (2015, May 7). *Pamyatnik generalu Panfilovu otkryt v Astane* [Monument to General Panfilov unveiled in Astana]. Retrieved May 22, 2020 from <https://www.inastana.kz/news/819398/pamatnik-generalu-panfilovu-otkryt-v-astane>
6. Churkina, N.I. (2016). Kommemorativnye praktiki v rossijskom obrazovanii kak metod istoriko-pedagogicheskikh issledovanij [Commemorative practices in Russian education as a method of historical and pedagogical research]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, 6, 37–44.
7. Druzhestvennye i nedruzhestvennye strany, FOM (fond obshchestvennogo mneniya) [Friendly and unfriendly countries, POF (Public Opinion Foundation)]. (2019, May 6). Retrieved April 10, 2020, from <https://fom.ru/Mir/14201>
8. Fedor, J. et al. (Eds.). (2017). *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-66523-8>
9. Gerasimchik, V.V. (2019). Osveshchenie Velikoj Otechestvennoj i Vtoroj mirovoj vojny v uchebnikah «Vsemirnaya istoriya» i «Istoriya Belarusi» v 10-m klasse obshchego srednego obrazovaniya [Coverage of the Great Patriotic and World War II in the textbooks “World History” and “History of Belarus” in the 10th grade of general secondary education]. *Belorusskij istoricheskij obzor*, 2(2), 83–110.
10. Griban, I.V., & Baranov, N.N. (2019). Nauchit' pomnit': Velikaya Otechestvennaya vojna v obrazovatel'nom prostranstve Respubliki Belarus' [Teach to remember: The Great Patriotic War in the educational space of the Republic of Belarus]. *Prepodavatel' XXI vek*, 1, 38–50.
11. Gribovod, E.G. (2018). Mediatizaciya politiki nacional'noj pamyati v sovremennom cifrovom obshchestve [Mediation of the politics of national memory in the modern digital society]. In P.P. Treskova (Ed.), *Informacionnaya shkola molodogo uchenogo: Sb. nauch. tr. po itogam VI Informacionnaya shkola molodogo uchenogo (03–07 sentyabrya 2018 g., Ekaterinburg)* (pp. 42–47). Ekaterinburg: CNB

Uro Ran. doi: 10.32460/ishmu-2018-6-0005

12. Gribovod, E. G., Kovba, D. M., & Moiseenko, Y. Y. (2018). Nacional'naya politika pamyati v sovremennoj Rossii: osnovnye tendencii i instrumenty [National memory policy in modern Russia: main trends and tools]. *Scientific journal "Diskurs-Pi"*, 2(31), 123–132. doi: 10.17506/dipi.2018.31.2.123132

13. Kotlyarov, I. V. (2018). Belarus' na puti v luchshee budushchee (sociologicheskie trendy) [Belarus on the way to a better future (sociological trends)]. *Sociologicheskij al'manah*, 9, 9–14.

14. Kovba, D. M. (2017). Osnovnye podhody k issledovaniyu «myagkoj sily» v otechestvennoj politicheskoy nauke [The main approaches to the study of soft power in the domestic political science]. *Scientific journal "Diskurs-Pi"*, 1(26), 143–148.

15. Lewis, S. (2019). *Belarus – Alternative Visions Nation, Memory and Cosmopolitanism*. Routledge.

16. Malinova, O. Y. (2018). Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [The politics of memory as an area of symbolic politics]. In A. Miller, & D. Evremenko (Ed.), *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb. nauchn. tr.* (pp. 27–53). Moscow – St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

17. Marples, D. R. (2012). History, Memory, and the Second World War in Belarus. *Australian Journal of Politics & History*, 58(3), 437–448. doi: 10.1111/j.1467–8497.2012.01646.x

18. Medeuova, K. A. (2020). Zatyanyuvshayasya «sovetskost'» i transformacii kollektivnoj pamyati: sovetskie i postsovetskie memorial'nye kompleksy v Kazahstane [Protracted "Sovietness" and the Transformation of Collective Memory: Soviet and Post-Soviet Memorial Complexes in Kazakhstan]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 161(1). Retrieved May 20, 2020, from https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21982/

19. Medeuova, K. A., & Sandybayeva, U. M. (2018). Sakral'naya geografiya v Kazahstane: kommemorativnaya politika gosudarstva i lokal'nye praktiki v publicnyh prostranstvah [Sacred geography in Kazakhstan: commemorative policy of the state and local practices in public spaces]. *Улкен Алтай әлемі – Mir Bol'shogo Altaya*, 4(3), 438–447. doi: 10.31551/2410-2725-2018-4-3-438-447

20. Mendikulova, G., Nadezhuk, E., & Akatayeva, A. (2019, Spring). New Documents on Kazakhs in the European Resistance Movements during World War II. *Journal of Modern Turkish History (CTAD)*, 15(29), 205–226. Retrieved May 18, 2019, from http://www.ctad.hacettepe.edu.tr/15_29/08-mendikulova.pdf

21. *O gosudarstvennyh prazdnikah, prazdnichnyh dnyah i pamyatnyh datah v Respublike Belarus': ukaz Prezidenta Respubliki Belarus' ot 26 marta 1998 g. (№ 157)* [On public holidays, holidays and memorable dates in the Republic of Belarus: Decree of the President of the Republic of Belarus of March 26, 1998 (No. 157)]. Retrieved April 15, 2020, from <http://bseu.by/russian/general/uvr/ukaz-157-26.03.1998.pdf>

22. Podpryatov, N. V. (2010). Uchastie predstavitelej nerusskih narodov Sovetskogo Soyuza v boevykh dejstviyah Vtoroj mirovoj vojny v protivoborstvuyushchih armiyah: sravnitel'nyj analiz [The participation of representatives of non-Russian peoples of the Soviet Union in the operations of World War II in the opposing armies: a comparative analysis]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4–3(68), 190–193.

23. Prokazina, N.V. (2015). Istoricheskaya pamyat' o Velikoj Otechestvennoj vojne v obshchestvennom soznanii zhitelej Belarusi i Rossii [The historical memory of the Great Patriotic War in the public consciousness of the inhabitants of Belarus and Russia]. *Sociologicheskij Al'manah*, 6, 202–209.

24. Rudling, P.A. (2017). «Unhappy Is the Person Who Has No Motherland»: National Ideology and History Writing in Lukashenka's Belarus. War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus. In: J. Fedor et al. (Eds.) *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus* (pp. 71–105). Palgrave Macmillan.

25. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2019). Diskurs postpravdy kak mediatekhnologiya politiki postpamyati [Post-truth discourse as a media technology of the politics of post-memory]. *Scientific journal "Diskurs-Pi"*, 2(35), 10–27. doi: 10.17506/dipi.2019.35.2.1027

26. Shub, M.L. (2016). Covremennyye kommемorativnyye praktiki: obrazovatel'nyj i vospitatel'nyj potencial [Modern commemorative practices: educational and educational potential]. *Pedagogicheskie nauki*, 3(36), 80–87.

27. Shub, M.L. (2018). Obraz proshlogo kak fenomen kul'tury: konceptualizatsiya i formy reprezentatsii v sovremennom sociokul'turnom prostranstve [The image of the past as a cultural phenomenon: conceptualization and forms of representation in the modern sociocultural space]. [Doctoral dissertation, Chelyabinsk State Institute of Culture]. http://chgik.ru/sites/default/files/news/files/dissoviet01_shub_avtoref_0.pdf

28. Smakova, A. (2020, April 18). V Kazahstane zapustili akciyu v chest' 75-letiya Pobedy [In Kazakhstan launched an action in honor of the 75th anniversary of Victory]. Retrieved May 22, 2020, from <https://informburo.kz/novosti/v-kazahstane-zapustili-akciyu-v-chest-75-letiya-pobedy-.html>

29. Sredi stran SNG tol'ko Belorussiya i Turkmeniya ne otkazalis' ot provedeniya parada Pobedy [Among the CIS countries, only Belarus and Turkmenistan did not refuse to hold the Victory Parade] (2020, May 3). Retrieved May 20, 2020, from <https://www.fontanka.ru/2020/05/03/69240379/>

30. Zadora, A. (2015). Vtoraya mirovaya vojna i preemstvennost' sovetskih traditsij dlya identichnosti, politicheskoy, pravovoy i social'noj sistemy Belarusi [World War II and the continuity of Soviet traditions for the identity, political, legal and social system of Belarus]. *Zhurnal rossijskih i vostochnoevropejskih istoricheskikh issledovanij*, 1(6), 119–123.

31. Zharkynbayeva, R.S. (2017). Velikaya Otechestvennaya vojna: sotsiokulturnaya pamyat i kommемorativnyye praktiki v postsovetском Kazakhstane (gendernyy aspekt) [The Great Patriotic War: Sociocultural Memory and Commemorative Practices in Post-Soviet Kazakhstan (Gender Aspect)]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 1(82), 103–116. doi: 10.21064/WinRS.2017.1.10

32. Zharkynbayeva, R.S., Dulina, N.V., & Anufrieva, E.V. (2020). Voennaya povsednevnost' v gorodah tyla v 1941–1945 gg. (na primere g. Alma-Aty). [Military Routine in Rear City in 1941–1945 (Case of Alma-Ata)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 25(1), 97–108. doi: 10.15688/jvolsu4.2020.1.8